

Книги Николая Живцова
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

СЛЕДАК
СЛЕДАК. ПАРИТЕТ ИНТЕРЕСОВ

ГЛАВА 1

Разбудил меня шум дождя. Настырная трель бьющихся о стекло капель заставила открыть глаза.

Надо мной нависал некогда белый потолок. Но сейчас краска рассохлась, образовав темные трещины, что обтекали давно не мытые трубчатые лампы, из-за чего помещение выглядело запущенным.

Повернув голову, я наткнулся взглядом на стоящий рядом со мной штатив от капельницы.

Специфический запах хлорки и лекарств дополнил картину, подтвердив догадку о больничной палате.

Помимо моей здесь стояло еще три кровати, но, судя по голым металлическим сеткам и пустым тумбам, в палате я был единственным пациентом.

Дальше взгляд зацепился за дверь. Та была приоткрыта, и до меня из коридора периодически доносились голоса.

«Все-таки угодил в больницу», — констатировал я.

Последнее из того, что помню, — мы с Головачевым садимся в служебную машину нашего следственного отдела.

Когда я, подписав заявление и протокол, вышел из кабинета Решетникова, в коридоре меня ждал только мой непосредственный начальник. Он отмеривал шаги в одиночестве и при моем появлении принялся выговаривать мне за заслуги: мол, ночью надо спать дома, а не шляться по городу, беспокоя начальство, у которого от нового сотрудника лишь проблемы да головная боль.

Еще на лестнице у меня началась одышка, когда же мы с Головачевым залезли в салон автомобиля, меня начал ду-

шить кашель, а грудь сдавило от боли. Дальше я слышал лишь скрип тормозов и мат подполковника, ощущал резкие развороты, как автомобиль набирает скорость и вновь тормозит, затем меня куда-то потащили, после покатали, и в завершение я очнулся в этой палате.

Прислушался к своим ощущениям, но, кроме дискомфорта в груди и заполненного мочевого пузыря, ничего критичного не обнаружил.

Сбросил одеяло, пошевелил конечностями. Боль отдалась лишь в грудной клетке, но была терпимой, так что я решил продолжить. Кое-как уселся — мешало головокружение.

Оглядел себя. На ногах штаны от поношенной пижамы, вместо пижамной рубашки — накрученные на грудь бинты. Тапочек под кроватью не нашлось, но деревянный пол не особо студил босые ноги, и я отважился на вылазку. Вот только, поднявшись с кровати, я едва не свалился обратно. Ощутимо пошатывало.

Пришлось воспользоваться помощью штатива. Выкатил эту хреновину за порог и побрел в самый конец коридора, где обычно в таких заведениях находится туалет. Тут главное не ошибиться с выбором направления, иначе рискуешь плестись через весь коридор в обратную сторону. Я взял верное и оказался в санузле, где помимо туалетных кабинок располагались еще и душевые. Судя по звуку льющейся воды, по крайней мере, одна из них сейчас была кем-то занята. Но мне следовало взять левее, к кабинкам.

— Что за... — выругался я.

Штатив наехал на преграду, а я чуть не навернулся. На полу лежали тапки. Их-то мне и не хватало. Пол в санузле, в отличие от коридора и палат, был выложен кафелем, отчего ноги уже замерзли.

На обратном пути меня спалили.

— Больной, вы почему встали?! — Передо мной возникла пышущая здоровьем молодая женщина. Ее объемные формы стягивал белый халат.

Пришлось отвести взгляд. Пока было не до них.

— Я не совсем встал, — выдавил улыбку и кивнул на штатив.

— Эта штука для капельницы, — строго заметила медсестра, колыхнув бюстом.

— Это многофункциональная штука. — Отвечая, я старался игнорировать раздражитель.

— Под кроватью у вас стоит утка, — настырно проинформировала меня женщина.

— Не видел, — соврал я. Сложно было не заметить этот тазик, а еще сложнее было заставить себя им воспользоваться.

— Сейчас же вернитесь в палату! — потребовала медсестра. При этом она подбоченилась, грудь выпятилась, халат натянулся, а пуговицы опасно напряглись.

— Я туда и иду, — отвел я взгляд и покатил штатив дальше.

Только я уселся на кровать, чтобы передохнуть от марш-броска, забравшего у меня все силы, как в палату с криком: «Завтрак!» — вошла еще одна сотрудница госпиталя. На этот раз не такая привлекательная, зато толку от нее было не в пример больше. Она принесла тарелку с кашей, чай в стакане и хлеб с кусочком сливочного масла.

Пребывание в этом времени сделало меня неразборчивым в еде, так что я умял безвкусную и уже остывшую кашу, даже не поморщившись. Предложили бы мне добавки, и от нее бы не отказался.

Спустя полчаса до меня добрался и лечащий врач.

— Так-с, что тут у нас? — деловито начал он осмотр. — Ну и как вы себя чувствуете? — повесив стетоскоп на шею, спросил он.

— Нормально чувствую, — честно ответил я.

— А поподробнее? — не удовлетворился врач.

Он пододвинул единственный в палате стул к моей кровати и с удобством на нем расположился. Лет за пятьдесят, на голове уже полно седых волос, глаза живые, смотрят профессионально участливо.

— В груди болит, и голова кружится. — Я еще минуту поразмышлял, прислушиваясь к себе. — Вроде всё.

— У вас, молодой человек, серьезная травма — перелом ребер, а вы, как я понимаю, рекомендацию врача не выполнили, отсюда и осложнение. — Теперь он смотрел на меня с укором.

— И долго мне здесь лежать? — задал я вопрос, никак не прокомментировав высказанную мне претензию.

— До конца недели точно. Будем вас наблюдать, — обрадовал он меня. — Вам прописан постельный режим, а судя по тому, в каком состоянии вас вчера ночью привезли, самостоятельно вы его соблюдать не в состоянии.

— Вчера ночью? То есть сегодня понедельник? — уточнил я.

— Да, понедельник.

Подтвердив тот факт, что я целый день провалялся в отключке, врач покинул мою палату.

— Охренеть, — дал я оценку произошедшему, когда остался один.

Вспомнился Ломакин, и захотелось вернуть ему должок. Я перебрал в уме условия заключенной с первым секретарем сделки. Согласно им я должен был молчать об участии его племянника в грабеже и подписать оформленные следователем документы. За это Свиридов обязался в ближайшее время организовать мне туристическую путевку в капстраны. И на этом всё. Так что придется Ломакину ответить за все хорошее, что он мне устроил.

За дверью послышался шум: топот ног, взволнованные женские голоса и гневный мужской. Пришлось отвлечься от обдумывания плана мести. Заинтересованный, я слез с кровати, приоткрыл дверь и через образовавшуюся щель посмотрел в коридор.

— Где мои тапки?! — орал мужик в полосатой пижаме.

Медицинский персонал, подстегнутый начальствующим рыком, бегал по коридору и заглядывал в палаты, разыскивая пропажу. Мужик развернулся в мою сторону, и я тут же отпрянул от двери.

— Черт! — Страхнув с ног тапки, я затолкал их под матрас на кровати и улегся сверху.

Дверь открылась, в палату прошмыгнула уже знакомая мне медсестра.

— Тапки не видел? — спросила она у меня, одновременно заглядывая под кровати.

— Нет, — не сразу отозвался я, занятый разглядыванием ее обтянутых халатом аппетитных округлостей.

— А твои где? — поинтересовалась медсестра, не обнаружив искомого.

— Не знаю. Проснулся, а их нет, — ответил я, сглотнув, когда она наклонилась пониже.

— Постой, а разве в коридоре ты не в тапках был? — задумчиво спросила медсестра, выпрямляясь, и мое внимание переместилось с попы на грудь.

— Босиком, — по инерции соврал я, недвусмысленно пляясь на женщину.

— Что за день такой, — вздохнула она, отчего медицинский халат вновь натянулся. — Санитарка, что ли, когда мыла пол, унесла? — произнесла задумчиво и тут заметила мою заинтересованность. Ее глаза довольно блеснули, и, покачивая бедрами, женщина плавно удалилась.

«Ломакин, я тебе вообще все сломаю», — мысленно пообещал я, провожая шикарную фигуру взглядом.

Больше меня никто не тревожил, и я до самого вечера провел в одиночестве.

Нарушила его лишь санитарка, которая забросила мне тапки, и работница столовой, что два раза приносила еду и забирала посуду.

Никто меня не навещал. Некому. Здесь нет отца, который обязательно пришел бы узнать о моем здоровье. Здесь нет друзей, а значит, некому завалиться и развеселить меня. Здесь нет девчонок из той жизни, поэтому никто не принесет мне вкусняшек. Стало тоскливо.

За окном стемнело, я лежал на кровати и подумывал о том, чтобы поспать. Но для этого нужно было выключить свет, а вставать мне было лень. Поэтому я лежал и ждал,

когда кто-нибудь заглянет в палату и его можно будет прячь с выключателем.

Наконец дверь открылась, но вместо симпатичной пышки-медсестры, радующей меня своими формами, на пороге возник Леха. Я даже привстал от неожиданности.

— Надо же, нашел, — довольно произнес он, войдя в палату. — Ты как?

— Привет. Нормально. Выздоровливаю. — Я прям обрадовался. Одиночество, оказывается, та еще хрень.

— Это хорошо. — Леха уселся на стул. — А что случилось?

— Ребра сломаны, осложнение, — кратко изложил я диагноз и добавил причину: — Ограбить пытались.

— Ограбить?! Тебя?! — озадаченно воскликнул он и, подвинув стул ближе, потребовал подробности.

— Так я и попал в госпиталь, — закончил я свой невеселый рассказ.

— Вот уроды. — Леха сдвинул челюсти. — Нашли грабителей-то?

— Нашли, — зло ответил я. Сломанные ребра не способствуют доброте и всепрощению.

— Ну хоть что-то.

— А ты как узнал, что я здесь? — сменил я тему.

— В твой отдел позвонил, — ответил Леха. — Меня же на должности утвердили, звание дали, — начал он хвастаться успехами, и его лицо засияло от радости. — Хотел тебя позвать отметить. А тут такое. — Леха уставился на мою перебинтованную грудь.

— Спасибо, что пришел, — поблагодарил я его на полном серьезе. И где-то в глубине души ощутил стыд за то, что сам Леху на обмывание первого звания не приглашал.

— И долго тебе здесь еще валяться? — оглядев палату, поинтересовался он.

— Обещали до конца недели продержат, — вздохнул я. — Лех, а ты можешь мне вещи из дома принести? А то у меня здесь даже зубной щетки нет.

— Конечно, — с готовностью подорвался он с места. — Вот только второй раз меня в палату вряд ли впустят. Сейчас-то еле прорвался, — сказал он с усмешкой. — Но ничего. Попрошу кого-нибудь внизу передать тебе вещи.

— О'кей. Держи ключи. — Вытащив из тумбочки, я протянул их другу.

— Адрес, — деловито потребовал он и, пообещав управиться за час, выскочил из палаты.

Вторым посетителем оказался, как ни странно, Шафиров. Он заявился ко мне на следующий день после обеда все в той же полосатой пижаме, но в новых тапках.

Посмотрев на них, я отвел взгляд. Неудобно получилось.

— Ну, здравствуй, товарищ Чапыра, — поприветствовал он меня. — Доложили мне вчера о твоих подвигах. — Шафиров по-хозяйски оккупировал стул напротив моей кровати.

— Здравствуйте, товарищ полковник. — Я сменил положение «лежа» на положение «сидя».

— Мало тебя на матах валяли, — заявил он мне, — всего с тремя уголовниками не смог справиться. Мне сказали, у них даже ножей не было. — Шафиров посмотрел на меня осуждающе.

— Как смог, так и отбил. — Мой ответ прозвучал излишне раздраженно, что развеселило полковника.

— А вот не надо «как смог», надо «как отличник милиции», — усмехаясь, высказал он мне. — Задержал бы их сам, и наградили бы знаком «Отличник милиции».

— Мне и без наград нормально, — огрызнулся я.

— Ладно, не обижайся, а то посмурнел весь. — Шафиров рассмеялся своим каркающим смехом. — Против благодарственной грамоты, за которую ратует Храмцов, возражать не буду, — смягчил он позицию.

— Премного благодарен.

Сдались мне их грамоты.

— Все-таки обиделся, — констатировал полковник.

— Ничего я не обиделся.

Этот Шафиров начал утомлять. Я еще не забыл, кому обязан своей службой в органах.

— Служба-то как, нравится? — сменил он тему, наступив на большую мозоль.

— Нравится, — пробурчал я, устраиваясь поудобнее. Судя по никуда не спешащему уходить Шафирову, разговор обещал быть долгим.

Так и вышло, полковник принялся подробно меня расспрашивать о стажировке, о работе в следственном отделе, о расписанных мне уголовных делах, о коллегах и взаимоотношениях в коллективе.

От полного потрошения меня спас заглянувший в палату Головачев.

— Добрый день, Валерий Муратович, — первым делом поприветствовал подпол старшего по званию.

Если он и удивился нахождению полковника в моей палате, то виду не подал.

— Добрый, добрый, — развернулся в его сторону вместе со стулом Шафиров. — Беседуем тут с вашим подчиненным, — пояснил он свое присутствие. — Пришли к мнению, что Альберту следует усилить физическую подготовку, разумеется, после того как полностью поправится, — огорошил он нас обоих, я даже закашлялся, но тут же скривился от боли в груди. — Вы уж, Илья Юрьевич, проследите за этим.

— Прослежу, — взял под козырек подполковник.

Шафиров удовлетворенно кивнул.

— А теперь объясните мне, почему ваш сотрудник ловит преступников в соседнем районе, а не в том, к которому он приписан?

Головачев не нашелся, что ответить на поставленный начальством вопрос, и перевел взгляд на меня. Шафиров также сместил на меня свое внимание. Пришлось разругать самому.

— Да я там случайно оказался. Меня же никто не предупредал, что в центре города у нас неблагоприятная

криминогенная обстановка, — вернул я любезность за «слабака».

— Что значит неблагоприятная криминогенная обстановка?! — моментально вскипел Шафиров. — Ты где набрался таких формулировок?! Ты вообще соображаешь, что говоришь?! — вылупил он на меня свои и без того выпуклые темные глаза. — Советская милиция эффективно борется с преступностью, и число преступлений с каждым годом падает! Заруби себе это на носу! — припечатал он в конце.

— Чапыра! — предостерег меня от вступления в спор с начальством Головачев.

— Да молчу я, молчу, — пробормотал я, отведя взгляд на окно, в которое опять хлестал дождь.

— И смотри нигде такое больше не ляпни! — предупредил меня Шафиров, демонстрируя недовольство всем своим видом. — Надо будет сказать Мохову, чтобы усилил работу с личным составом, тем более с молодыми сотрудниками. Или вообще на уровне управления этот вопрос поднять, — пожеывая губами, задумался начальник. — Да, так и сделаю. Комиссия по вопросам политико-воспитательной работы среди личного состава в МВД уже создана. Значит, и на местах скоро озадачат с созданием чего-то подобного. Так что надо будет проработать этот вопрос, а когда из Москвы придет распоряжение, у нас уже будет все готово, — подвел он итог своим размышлениям, и его лицо просветлело.

А я понял, что невольно запустил какой-то процесс.

Теперь Шафиров смотрел на меня уже более благосклонно. Все же я направил его мысли в нужную сторону, поскольку он придумал, как выслужиться перед московским начальством.

— А за несдержанность будет тебе урок, — заявил он, когда я уже было решил, что пронесло. — Даю тебе поручение, — произнес он, с садистским удовольствием наблюдая за моей не особо радостной физиономией.

— Какое поручение? — тоже не особо весело вострепелся мой непосредственный начальник, которого, как и меня, только-только начало отпускать от вспышки начальственного гнева.

— Раскрыть серию краж или грабежей в своем районе! — торжественно сообщил нам полковник. — Поработал на соседей, а теперь у себя криминогенную обстановку улучшай, — вернул он мне подачу и веско добавил: — Срок тебе — до Дня советской милиции!

Услышав вводную, я завис, вспоминая дату праздника.

— А если не успею? — настороженно спросил я.

— Что значит не успеешь? — начал набирать громкость полковник. — Ты комсомолец или кто?!

Я не ответил, размышляя на тему того, почему мне так «везет» и как с этим бороться.

— И не вздыхай, — одернуло меня начальство.

— Он неделю всего как в должности утвержден, да и ноябрь уже близко, — попытался урезонить разошедшегося полковника Головачев.

— Залог у него быстро получилось согласовать, значит, и серию хищений по силам раскрыть, — отверг возражения Шафилов.

ГЛАВА 2

Скукота. Зевая, я отложил последний дочитанный журнал. На моей тумбе скопилась целая гора макулатуры, и это только сегодняшняя порция. Из-за нахлынувшего на меня информационного голода я прочитал все, что смог отыскать в ведомственной больнице. Всю периодику от газеты «Правда» до профессионального журнала «Советская милиция», даже «Работницей» не побрезговал. Простудировал ее от корки до корки, но вместо фоток красоток в купальниках в ней зачем-то печатали фото дам за сорок с суровыми лицами.

До попадания в госпиталь мне особо скучать не приходилось. Было чем себя занять. Только одни попытки как-то устроиться в этом непонятном для меня мире и возникающие в связи с этим постоянные конфликты не давали мне закинуть. Не говоря уже о полуторамесячной стажировке и новой для меня службе.

В госпитале же тишина и благодать.

Ни гаджетов тебе, ни Интернета. Из развлечений лишь черно-белый телевизор в холле. Но возле него собиралась публика посерьезнее, лейтенант в их компанию не вписывался. Пациенты здесь были в основном возрастные, с хроническими болячками. Из молодых с травмами только я да мой сосед, которого подселили на днях. Тоже летёха. Вся голова в бинтах, он только спал под капельницей да стонал во сне. Вот и выходило, что поговорить мне было не с кем. С выпиской Шафирова даже подтрунивания прекратились. Тоска, одним словом.

Ко всему прочему еще и тело требовало разрядки, а обладательница пышных форм только дразнила.

— Альберт, к тебе пришли, — зашла она в палату, провокационно выпятив грудь.

Сообщив мне эту радостную весть, женщина грациозно развернулась и, виляя обтянутой халатом попой, прошла к двери.

Тапкой бы в нее запустить, да наклоняться больно.

Кряхтя и поскрипывая кроватной сеткой, я поднялся на ноги и побрел вниз по лестнице. Вчера мне официально разрешили выходить из палаты, а утка перекочевала под кровать соседа. И питался я теперь в общем зале на этаже. Хоть какое-то разнообразие.

Узкий коридор и небольшое помещение со скамейками вдоль стен, где пациенты общались с посетителями. Посреди него в напряженной позе застыла стройная девушка. Увидев меня, она сделала несколько быстрых шагов в мою сторону, но, оказавшись рядом, резко остановилась. Это я выставил перед собой ладони. А то еще бросится сдуру мне на шею, а у меня ребра только начали срастаться.

Ее глаза сперва вспыхнули от обиды, но затем в них мелькнуло понимание, и они принялись ощупывать меня, пытаюсь разглядеть следы травм. Пришлось приподнять пижаму и показывать ей бинты. Алина виновато вздохнула.

— Сильно больно? — спросила она.

— Уже нет, — ответил я, разглядывая посетительницу.

Светлые волосы заколоты по бокам. Воротник плаща приподнят, шея обмотана платком с бахромой. В руках сложенный зонт и объемная сумка. На ногах сапожки на высоком каблуке.

— Извини, не могла прийти раньше, — произнесла она, также изучая меня взглядом.

Судя по ее довольному виду, в старой потертой пижаме я был неотразим.

— Раньше бы тебя просто ко мне не пустили, — заверил я ее. Незачем заставлять девушку чувствовать себя виноватой.

Мои слова вызвали у нее слабую улыбку.

— Я принесла тебе яблоки и домашнюю еду. — Алина оживленно начала доставать из сумки гостинцы. Сетку с фруктами и стеклянную литровую банку. — Сама готовила, — гордо сообщила она.

— Ты ведь готовишь не хуже мамы? — уточнил я, заинтересованно разглядывая содержимое банки через стекло.

— Даже лучше, — похвасталась девушка.

— Я проверю, — предупредил я.

— Спасибо тебе. — Вместо обсуждения кулинарных талантов Алина перешла к теме, которая ее сейчас волновала больше всего.

— Пожалуйста, — не стал я изображать скромного рыцаря.

— Как ты себя чувствуешь? — Девушка смотрела на меня сочувственно.

— Нормально, скоро бегать буду, — заверил я ее, усаживаясь на скамейку поближе к добыче.

— Мне так жаль. Все ведь из-за меня произошло, — вновь вернулась она к запретной теме. В глазах печаль и раскаяние.

— Алина, хватит, — перебил ее я. — Все уже закончилось, а ребра быстро срастутся.

Девушка села на скамейку рядом, взяла меня за руку, и ее пальцы обхватили мои.

Только и осталось, что позавидовать ее ловкости. Моя реакция оказалась намного хуже.

— Сделай то, что ты тогда не успел, — пресекая мои попытки освободиться от захвата, заявила она.

— Чего сделать? — не понял я.

Вместо слов она приблизила ко мне лицо.

— Э-э... — Я разгадал нехитрый ребус и сдал назад. — Мы как-то здесь не одни. — Я кивнул на заполненное людьми помещение. Те, к слову, косились на нас не без интереса.

— Да ну их, — легкомысленно отмахнулась она от свидетелей.

— Слушай, я так не могу, — уперся я.

Митрошину донесут, и мне хана.

— Ты у меня такой скромный, — произнесла девушка, ничуть не обидевшись, а в ее взгляде мелькнула хитринка.

«У меня?!» — вычленил я самое опасное.

— Слушай, Алина, а отец знает, что ты сюда приехала? — попробовал я зайти с другой стороны.

— Мама знает, — улыбнулась она.

— То есть вы это втайне от отца провернули? — добивался я ответа.

Девушка закатила глаза, словно ей приходится выслушивать глупость за глупостью.

— При чем здесь отец? — фыркнула она.

— В смысле при чем? Он как-никак заместитель прокурора и осуществляет надзор за следствием, — не бросал я попыток достучаться до ее разума. — И он после того, что случилось, наверняка против наших с тобой встреч. Ведь так? — надавил я на нее взглядом.

— Да ну его. — Мои слова не произвели на нее впечатления. Хотя нет, лицо девушки посуровело. — Ты что, его боишься? — прищурившись, спросила Алина.

— Очень, — признался я и застыл в ожидании реакции. Ну давай уже фыркой, кидай мне «трус!» и гордо уходи.

— Глупенький, — был мне ответ. — Папа ничего тебе не сделает. Я не позволю.

Она одарила меня самодовольной улыбкой. Моя в ответ вышла кривоватой.

— О, герой, привет! — отвлекли нас от препирательств возникшие словно ниоткуда коллеги.

В центре стоял Денис, который беззастенчиво разглядывал держащую меня за руку красивую девушку.

— А мы думали, ты тут в гипсе под капельницей лежишь, — заявила Ксения вместо приветствия, тоже заметив сплетение наших с Алиной пальцев.

Более сдержанная Журбина просто поздоровалась.

— Альберт, — сбоку шикнула на меня Алина, — кто это?

Девушка расправила плечи и, приподняв подбородок, требовательно на меня смотрела.

— Ксения и Денис — мои коллеги, Людмила Андреевна — моя начальница, — представил я ей явившихся ко мне посетителей.

— А я Алина, его девушка, — перехватила она инициативу.

— Очень приятно, — произнесли коллеги, оценивая рассматривая «мою девушку».

— А ты, Альберт, не говорил, что у тебя есть девушка, — укорила меня Ксения.

«Да я сам только что узнал», — хотел сказать я, но благоразумно промолчал.

— Он у меня скромный, — ответила за меня Алина, крепче сжав мою ладонь.

Коллеги, услышав такое, переглянулись недоуменно, но тоже благоразумно промолчали.

— Когда тебя выписывают? — поинтересовалась Журбина, уведя разговор в сторону.

— Скорее всего, в понедельник, затем еще неделя на амбулаторном лечении, — отчитался я перед начальством.

— Без тебя скучно, — огорошила меня Ксения.

— Это точно, — согласилась Журбина, заметно вложив в свои слова совершенно иной смысл.

— То есть со мной вам невесело? — изобразил обиду Денис.

— Так ты же сам предпочитаешь общество Ирочки. — Ксюша показала ему язык.

— Меня на всех хватит, — самоуверенно заявил Войченко.

Ответом ему был пренебрежительный женский смех.

— Слушай, а сколько всего грабителей было? — отмахнувшись от девушек, переключился на меня Денис. — А то чего только не говорят.

— А чего говорят? — насторожился я и почувствовал, как Алинины ноготки впиваются мне в ладонь.

— Да по-разному. — Войченко хитро ухмыльнулся. — Кто-то говорит, что на тебя напало не менее десятка урок, другие — что их было два десятка. — Он не выдержал и заржал.

— Да, так все и было, — покивал я.

— Что было? — хором спросили мои посетители.

— Их было два десятка, и все с ножами, кастетами и цепями. Но я бился как лев. Раскидал этих уроков, а потом еще всех арестовал. И всё в одиночку. — Я гордо выпятил грудь.

Мое заявление вызвало дружный хохот. Смеялись все, кто находился рядом и слышал мое бахвальство.

— Да ты герой! Во дает! — послышались реплики из зала.

Оставалось лишь раскланяться.

— Не, ну серьезно, сколько их было? — докапывался до правды настойчивый Денис.

— Четверо, — пришлось признаться.

Смех прекратился, и на меня со всех сторон посыпались одобрительные возгласы.

— Надо было убежать, — не поддержал остальных один из пациентов, помятый жизнью мужчина, что занимал скамейку напротив нас вместе с женой и детьми.

— Неожиданно напали сзади, — соврал я. Понятное дело, если бы не Алина, я бы предпочел свалить, а не биться один против четверых.

Между пациентами, а это были сотрудники правоохранительных органов, сразу же завязался спор на тему, как надо было действовать и что бы они сами сделали в подобной ситуации. О нас на время забыли.

Участвовать в обсуждении мне не хотелось, так что я спросил о главном:

— А вы мне ничего вкусного не принесли?

— Принесли. — Людмила вытащила из портфеля два бумажных пакета. — Печенье с конфетами, — пояснила она.

— Круто, — отозвался я, предвкушая, как устрою сегодня пир.

— Ага, — сглотнув, поддержал меня Денис, голодным взглядом прожояя перекочевавшие из сумки на мою скамью пакеты со сладостями.

Пришлось один раскрыть и поделиться со страждущим конфетой. Коллеги посмотрели на Войченко с осуждением. А он, вместо того чтобы устыдиться, выпросил у меня еще две и тут же их сожрал.

От возмущения я тоже отправил себе в род одну шоколадную.

Алина заботливо вытерла мне краешек губ пальчиком, я прифигел и печально посмотрел на Дениса, а этот гад вместо сочувствия показал мне большой палец.

Людмила с Ксенией растеклись в умильной улыбке.

— Ну, мы тогда пошли, — тактично начала отступать в сторону выхода Журбина.

Денис был явно против (и девушка красивая, и конфеты недоедены), но, подмигнув мне, послушно поплелся следом.

— Так я тоже уже ухожу, — слишком прытко для больного поднялся я со скамейки.

Не хотел я оставаться наедине с «моей девушкой», которую даже толпившийся здесь народ не смущает. Чтобы не оправдываться и не объясняться, я поморщился словно от боли.

— Да, да, конечно, — встрепенулась Алина. — Я к тебе завтра приеду, — напоследок обрадовала меня она.

— Ну зачем тебе ехать в такую даль? — принялся я ее отговаривать. — Меня же скоро выпишут, тогда и увидимся.

— Нет, я все же приеду. — Алина была непреклонна, завоевав тем самым симпатии моих коллег. Денис на этот раз показал мне два больших пальца.

— Альберт, не спорь, — одернула меня Журбина.

— Ладно, все, я пошел. До встречи. — Поняв, что спорить бесполезно, я забрал свои гостинцы и потопал в сторону лестницы.

В палате было все как обычно. Сосед стонал во сне, в окно опять барабанил дождь.

Кипу журналов я переложил на соседнюю пустую тумбу, а на свою сгрузил добычу. Достал ложку и уселся с банкой на кровать дегустировать принесенный мне плов.

Затем пришла очередь чая. Разжившись в коридоре кипятком, я высыпал сладости на тумбу и только уселся с полным стаканом на кровать, как в палату явилась медсестра капать соседу новое лекарство. В руках она держала небольшой поднос со всем необходимым.

— Смотрю, тебя посетительницы гостинцами задарили, — сказала она, развернувшись ко мне грудью.

До этого женщина демонстрировала мне задние полушария, проводя манипуляции с капельницей. А я тем временем уминал печенье с конфетами и смотрел очередное устроенное ею для меня представление.

— Хочешь конфетку? — спросил я, слизнув языком со своих губ шоколад.

— Хочу, — она ответно облизнулась.

Поставив уже почти пустой стакан на тумбу, я подхватил одну из конфет и сорвал с нее фантик.

— Иди сюда, покормлю, — поманил я медсестру сладким.

— А ты справишься? — с сомнением протянула она, сделав шаг в мою сторону и качнув бедрами.

— Сегодня ты будешь главной, — пообещал ей я.

Заинтересованно ухмыляясь, она сделала еще шаг.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Головачев вылез из служебной машины. Прикинув, что провести в управлении придется не меньше часа, он отпустил водителя на обед. Сам же, чтобы не промокнуть, поспешил скрыться в здании.

Приехал он строго к назначенному времени, но отчего-то так вышло, что в кабинет начальника следственного управления подполковник зашел последним.

— Илья Юрьевич, наконец-то, — поприветствовал его грузный мужчина с хмурым выражением лица, сидевший во главе стола. — Товарищи, можно начинать, — обратился он ко всем остальным и зашуршал лежавшими перед ним бумагами.

Головачев занял свое место за столом и оглядел присутствующих. Начальник областного следственного управления Исаев Михаил Константинович в этом году отпраздновал пятидесятилетний юбилей, а годом ранее получил звание полковника и почетное звание заслуженного юриста. По правую руку от него сидел один из его замов Тишков Семен Варленович, почти месяц назад он приезжал к ним в отдел и страшал всех карами за повторное применение следователями залога. Место по левую руку от Исаева занял начальник городского следственного управления Назаров Петр Павлович, человек жесткий и прямой. Было непонятно, как он с такими чертами характера смог подняться так высоко. Дальше сидели коллеги — начальники

следственных отделов города и области. С некоторыми из них, в основном с областными, Головачев прекрасно ладил, а вот с городскими конкурировал. Мерился с ними показателями, воевал за бюджет и кадры.

— Товарищи, — начал заседание Исаев, — из министерства опять прислали распоряжение об организации на местах работы по направлению недавно созданных в министерстве комиссий. — Полковник положил поближе к подчиненным стопку отпечатанных машинисткой копий распоряжения. — Нас к этой работе, без сомнения, привлекут в первую очередь, поэтому прошу внимательно изучить и проработать данный вопрос, а также предоставить свои предложения по организации работы комиссий на местах. Особое внимание уделите комиссии по укреплению законности в деятельности органов внутренних дел, скорее всего, кто-то из вас войдет в рабочую группу.

— К какому сроку нужно предоставить предложения? — уточнил Назаров.

— До конца первой декады октября, — задумавшись на пару секунд, сообщил Исаев.

— И не тяните, товарищи, — вторил начальнику его заместитель. — Шафиров уже насчет одной из комиссий подсуетился. Создал в управлении группу по вопросам политико-воспитательной работы среди личного состава. И если мы затянем работу, то нас обязательно ткнут носом в его успехи.

— Так это же Шафиров, — усмехнулся Назаров, — умеет держать нос по ветру и знает, как угодить министерским.

— За это его и прозвали непотопляемым, — глубокомысленно заметил Тишков.

— Непотопляемый он из-за своих связей. Знает, с кем надо дружить, — некорректно высказался о заместителе начальника управления МВД по кадрам Назаров.

— Это вы, Петр Павлович, намекаете на Свиридова, что недавно в горком перешел? — ухмыляясь, поинтересовался Тишков.

— Товарищи, товарищи! — призвал всех к порядку Исаев, пресекая обсуждение главных лиц города. — Переходим к следующему вопросу. — Полковник окинул всех строгим взглядом. Убедившись, что подчиненные вняли его предупреждению, он положил перед собой несколько листов бумаги, скрепленных скрепкой. Сидевшие рядом разглядели, что это копии. — Наставление за подписью самого министра, — озвучил он название документа.

Все присутствующие напряглись. Подобного рода акты, как правило, содержали фантазии руководства на тему, как тому видится эффективная работа следственного аппарата.

— Здесь говорится... — смочив горло водой из стоящего рядом стакана, начал объяснять Исаев. — Давайте я лучше это зачитаю, — оборвал он себя на полуслове и, поправив очки, обратился к документу: — «При назначении меры пресечения следователям МВД необходимо руководствоваться нормами уголовно-процессуального кодекса, а также принципами разумности, законности и гуманизма».

— Чем, чем? — переспросил Назаров.

— Гуманизма, — сверившись с текстом, повторил Исаев и продолжил зачитывать наставление: — «Мера пресечения не тождественна мере наказания за преступление. Она призвана пресечь потенциально вредную деятельность обвиняемого и не дать ему помешать следствию и скрыться от правосудия. Только в таком значении ее следует применять». — Полковник прочистил горло, вновь отпил из стакана и завершил уже своими словами: — В общем, тут сказано, что заключение под стражу не является единственной мерой пресечения, предусмотренной УПК. И что следственные органы неправомерно не применяют такую меру пресечения, как залог. Также в документе указана наша область в качестве примера и упомянут — разумеется, без имен — тот случай, что имел место быть в начале сентября в Индустриальном районе... — Исаев кивнул в сторону Головачева, и взгляды коллег скрестились на закаменевшем лице подполковника. — Когда следова-

тель применил к ранее не судимому, но имеющему хроническое заболевание лицу залог. — Исаев вновь, поправив очки, уткнулся в бумаги. — Здесь сказано, что «это яркий пример законности, разумности и гуманизма», — зачитал он.

В кабинете установилась тишина, все осмысливали услышанное. Головачев массировал сердечную мышцу, стараясь не замечать завистливые взгляды коллег, и размышлял о том, что уже ничего не понимает.

Его мыслям вторил Назаров.

— Сперва приказ о вежливом обращении с преступниками, затем требование соблюдать их права, — нарушив всеобщее молчание, посетовал тот. — И вспомните еще о затеянном министром противостоянии с судейскими, когда он добивался, чтобы те назначали условное наказание. Сейчас еще и залог в качестве меры пресечения требует применять. А как вам эти комиссии? — Он потыкал пальцем в лежащую перед ним копию распоряжения. — Первая по борьбе с рецидивной преступностью и вторая по трудовому и бытовому устройству освобожденных из ИТУ. На МВД теперь еще и заботу об уголовниках списали! — Обведя всех возмущенным взглядом, Назаров задал философский вопрос: — К чему мы придем?

— Не все так плохо. — Исаев взялся урезонить критикующего министра подчиненного. — Щелоков еще и зарплаты увеличил, престиж нашей службы поднял. И главное, это при нем был создан при МВД следственный аппарат, где мы с вами, Петр Павлович, служим.

— Далеко не все разделяют либеральные взгляды нашего министра, — недовольно пробормотал Назаров. — И там тоже. — Он поднял указательный палец.

— Так что, теперь залог надо применять? — не обращая внимания на разгорающийся спор между начальством, вклинился коллега Головачева из следственного отдела Ленинского района — седовласый мужчина в звании капитана.

— Надо, но только если такая мера пресечения является самой разумной в данном конкретном случае, товарищ Харитонов. — Довольный, что неудобного Назарова перебили, поспешил ответить Исаев.

— Как-то это все расплывчато, — покрутил ладонью Тишков.

— Я еще не закончил, Семен Варленович, — шикнул на своего заместителя полковник. — Залог применяем по аналогии с тем, как это сделали в Индустриальном районе, — полковник вновь кивнул в сторону Головачева, — раз уж этот случай был отдельно упомянут в наставлении. То есть только в отношении ранее несудимых. Кроме того, подозреваемый или обвиняемый должен иметь серьезные проблемы со здоровьем. Ну и, в-третьих, все же применяем эту меру пресечения только в исключительных случаях. Так понятно? — обвел подчиненных взглядом начальник областного следственного управления, дольше всех задержавшись на своем замае.

— Постановление о применении меры пресечения в виде залога мы, понятное дело, раз велели, вынесем. Но утвердят ли его прокуроры? Ведь правовые акты министра МВД для них не являются обязательными, — вместо ответа на заданный начальником вопрос поинтересовался Назаров.

— Не будут утверждать, будем обращаться в суд, — веско заявил Тишков и преданно посмотрел на начальника.

— А прокурорские следователи залог применять будут? — вновь обратил на себя внимание Харитонов.

— Скорее всего, нет. У них и статьи потяжелее наших, да и, насколько я знаю, генеральный прокурор им никаких наставлений, как нам министр, не присылал, — ответил Исаев.

Все прозвучавшее на сегодняшнем совещании Головачева озадачило. Сперва запретили применять залог, а ему, как начальнику излишне ретивого следователя, пришлось целый месяц выслушивать гневные отповеди из управления. Сейчас разрешили, да еще и велели применять опыт

следственного отдела, который он возглавляет. Когда он услышал, что его следственный отдел ставят в пример на министерском уровне, его пульс участился, а с левой стороны груди защемило.

Сразу вспомнился молодой сотрудник с необычной фамилией, благодаря которому и произошли все эти волнительные события. Затем его память зацепилась за упомянутых на этом же совещании Шафирова и Свиридова, а дальше его мысли потекли в каком-то уж совсем странном направлении.

Он сопоставил то, что совсем недавно видел своего подчиненного в компании как Свиридова, так и Шафирова, и обстоятельства, при которых это произошло. В обоих случаях Чапыре угрожала опасность. Его ограбили, и тут же прибыл Свиридов, Чапыра попал в больницу с осложнением, и тут же его навестил Шафиров. Ну и что, что полковник лежал в соседней палате. Не тот человек Шафиров, чтобы просто так навещать какого-то лейтенанта.

И его просьба-приказ обеспечить Чапыре раскрытие серии преступлений также укладывается в эту канву рассуждений. Все указывало на то, что эти двое принимают участие в судьбе Чапыры.

Но что может связывать не самых последних лиц области с обычным милицейским следователем?

Насколько он помнил, личное дело Чапыры ничего интересного не содержало. Его подчиненный был обычным сиротой из провинции. Вот только на провинциала он совершенно не походил. Безупречный вид, хорошие манеры и умение себя подать присущи скорее горожанину, если не столичному жителю, причем из хорошей семьи. Эта непонятность настораживала и порождала неожиданные версии.

Головачев принялся искать общие черты во внешности Чапыры и этих двоих. На Шафирова Чапыра совершенно точно не походил. Если в первом доминировала южная кровь предков, то второй был типичным европейцем. На Свиридова? Головачев задумался, но тут же отбросил свое

идиотское предположение. Если бы Чапыра был каким-то непостижимым образом связан родственными связями с этими двоими, то ему наверняка бы нашли место лучше, чем райотдел.

Хотя стоп. В его следственном отделе Чапыра появился по личному распоряжению Шафирова. Плюсом шла уже упомянутая завуалированная просьба или приказ. Ведь очевидно же, что Чапыре помогают делать карьеру. И если так пойдет и дальше, то за три года он вполне может занять место заместителя начальника следствия или вообще в управление перейти на должность старшего следователя.

И с залогом у этого Чапыры все как по маслу прошло. Почему Митрошин его поддержал? Что за этим стоит? Или кто? Еще и Щелоков инициативу молодого следователя одобрил, хоть и без имен, но в наставлении упомянул.

Головачев замотал головой, прогоняя мысли. Хрен пойми до чего так можно додуматься.

ГЛАВА 3

Над головой хмурилось серое осеннее небо, грозя в любую минуту обрушить на землю тонны воды. Я совсем не против, я даже за. Освежусь, и мысли сменят направление. На душе тоска.

Я вновь стою на плацу перед строем коллег. Напротив, изображая радостную торжественность, застыл с открытой красной папкой в руках Храмцов. Сразу за ним сияет лицом Мохов.

— За активное участие в раскрытии преступлений, проявленную при этом инициативу и находчивость лейтенанту органов внутренних дел Чапыре Альберту Анатольевичу объявляется благодарность!

— Служу Советскому Союзу! — вскидываю ладонь к фуражке.

Храмцов, скалясь, вручает мне грамоту размером с альбомный лист. В ответ я выдавливаю счастливую улыбку.

ку, разворачиваюсь и возвращаюсь на свое место в первом ряду.

Ну все, сейчас отзвучит гимн и можно идти в кабинет. Там хотя бы нет этих толп. Еще бы Ксения куда-нибудь свалила, стало бы совсем отлично.

Я бросил взгляд на часы. До конца рабочего дня осталось дотянуть три часа, а потом я опять напьюсь. Вот такой у меня нехитрый план на ближайшее будущее, а что там дальше со мной произойдет, меня уже не цепляет. Депрессия у меня, а значит, все свободны.

Всё произошло вчера, именно тогда, когда я уже решил, что жизнь налаживается. Оптимист.

Появившись с утра на работе, я ожидаемо оказался в центре внимания. Прослышав, что новенький, участвующий в эпической битве с криминалом, вышел с больничного, народ потянулся ко мне в кабинет. Пришлось рассказывать историю несколько раз, повторяя ее для вновь пришедших. Задрали, в общем, с этими своими церемонными пожатиями рук, хлопаньем по плечам и ехидными предложениями не скромничать, а приписать себе победу хотя бы над десятком грабителей.

— Надо же, наш Альберт, оказывается, герой, — в довершение всего наградила меня эпитетом старший следователь Акимова, которая из-за нездоровой худобы была похожа на жертву анорексии. — А я его типичным интеллигентом считала, — фыркнула она неодобрительно, словно сказала что-то оскорбительное, — весь такой улыбочивый, в костюмчике да с удавкой на шее. — Она засмеялась басовитым смехом, обнажив мелкие, немного желтоватые зубы. — Удивил. — Она оценивающе ощупала меня взглядом.

Под аккомпанемент смешков я дежурно улыбнулся на этот наезд (или комплимент, фиг поймешь), думая о том, как бы их всех отсюда повежливее выпроводить.

— Товарищи, девять часов уже, пора на оперативку, — помог мне кто-то из следователей, и мы всей гогочущей

толпой переместились в кабинет начальника следствия, где и началась основная потеха.

— Смотрю, вам весело. — Хмурый Головачев, окутанный облаком сигаретного дыма, воспринимался зловеще. — Конец месяца! Где, блин, дела?! — взорвался он. — Сорокин! Какого хрена ты с угоном телишься?! Там делать-то нечего! Чтобы завтра утром дело вместе с обвинительным заключением у меня на столе лежало! — Дождавшись от Антона обреченного кивка, подполковник перешел к следующей жертве: — Войченко! Когда с сифилитиком своим закончишь?! Там тоже ничего сложного нет! Где обвинительное заключение?! Значит, так, — Головачев обвел всех присутствующих тяжелым взглядом, — все запланированные на сентябрь уголовные дела до завтра должны быть доведены до ума! Можете в кабинетах ночевать, но завтра все должно быть готово. Я из-за вас не собираюсь у прокурора до утра сидеть, ждать его подписи! Всем понятно?

— Так точно, товарищ подполковник, — раздался нестройный хор голосов.

— Руслан Тахирович, почему я делаю за вас вашу работу? — Начальник следствия наградил своего первого заместителя недовольным взглядом.

— Виноват, товарищ подполковник. — Курбанов наклонил голову, демонстрируя раскаяние, но с места не встал.

— Проконтролируйте, — уже более спокойно распорядился начальник следствия.

— Будьте уверены, Илья Юрьевич, никого сегодня домой не отпущу, пока дела мне не сдадут, — заверил первый зам.

Изображающие из себя молчаливые статуи следователи совсем приуныли.

Головачев кивнул и перевел внимание на сидевшего от него по левую руку нового зама.

— Людмила Андреевна, сколько у вас в этом месяце раскрытых дел получается?

— В первую декаду шесть дел передали товарищу Курбанову, во вторую — четыре. В третью пока тоже четыре. —

В конце доклада голос Журбиной дрогнул, сказала неопытность.

— Негусто, — резюмировал подполковник, но дрючить новоиспеченного зама не стал. Сделав пару затяжек и выпустив дым, он посмотрел на меня.

Я рефлекторно вжался в спинку кресла — умеет начальник нагнать на подчиненных жути.

— Теперь по новостям из министерства. — Головачев сделал паузу, во время которой пытался просверлить меня взглядом. — Министр одобрил применение меры пресечения в виде залога.

Шокирующая новость вывела народ из стазиса. Все одновременно загалдели, то и дело бросая на меня заинтересованные взгляды.

Меня услышанное тоже неслабо удивило.

«Да ладно?» — было мое выражение лица в тот момент.

— Чапыра, красавчик, — развернувшись ко мне и пытаясь что-то высмотреть, пробасила сидевшая за столом Акимова. — Опередил министра, — запрокинув голову, она засмеялась.

— Тихо! — Удар кулаком по столу и начальствующий рык вмиг навели порядок в кабинете. Голоса смолкли, участники совещания вновь выпрямили спины.

— Залог хоть и предусмотренная законом, но новая для нас мера пресечения, — в образовавшейся тишине продолжил Головачев. — Поэтому объясняю, когда и в каком порядке ее нужно применять.

Дальше последовал десятиминутный инструктаж. Следователи усердно застрочили в своих блокнотах. Я тоже не рискнул выделяться. Хотя мысли мои сейчас были совсем о другом, я оплакивал накрывшийся источник заработка. Из штучного товара залог вдруг превратился в массовый. Да уж, подгадил мне министр.

— Можете идти работать, — свернул совещание Головачев, прервав мои мысленные стенания. — А вас, Журбина и Чапыра, я попрошу задержаться.

Перехватив сочувственный взгляд Ксении и беззвучный хохот Дениса, я приготовился к очередному удару судьбы.

— Садись. — Подполковник, прежде чем прикурить новую сигарету, указал мне на место напротив Людмилы. — Как здоровье? — поинтересовался он, когда я пересел с кресла на стул Курбанова.

— Здоров! — бодро отрапортовал я, ведь именно такого ответа ждало от меня начальство.

— Это хорошо, — одобрил Головачев мою живучесть, стряхивая пепел в ракушку. — Помнишь разговор с Шафировым? — уточнил он.

— Помню, — насторожился я, непроизвольно морщась. Забудешь тут.

Журбина при этом непонимающе переводила взгляд с начальника на меня и обратно.

— Чапыре поручили раскрыть серию хищений, — пояснил ей Головачев.

Глаза Журбиной расширились, а я распрощался со своей беспочвенной надеждой на то, что Шафиров чисто с целью меня потроллить завел тот бредовый разговор. Полковник, оказалось, был в тот раз как никогда серьезен. Дела-а.

— Но он же... — принялась было возмущаться раскрасневшаяся Журбина.

— Людмила Андреевна, — перебил ее Головачев, — есть мнение, что Чапыра способен раскрыть серию преступлений, а значит, он это сделает! А вы как его непосредственный начальник должны будете ему в этом помочь. И я не хочу слышать отговорок! Вам понятно?

— Так точно, — кивнула Журбина, возвращая себе бледный цвет лица.

— Можете все подразделение привлечь к этой работе. Но к ноябрю результат должен уже быть!

— К ноябрю? — сглотнула Журбина.

— День советской милиции у нас в ноябре, или вы, Людмила Андреевна, запомнили?! — Подполковник явно срывал на заместителе свою злость и раздражение.